

История • Historia

Русская иммиграция в Бразилию в первой половине XX века: миграционные пути и модели адаптации

С.А. Русеишвили

→ Аннотация

В статье рассматриваются три основные волны русскоязычной иммиграции в Бразилию в целом и в частности в штат Сан-Паулу и его одноименную столицу, на протяжении первой половины XX века. Под первой волной подразумевается период с 1921 до конца 1930-х годов. Для данного периода рассматривается приезд солдат и офицеров Белой армии, «врангелевцев», в 1921 году; переселение русскоязычных крестьян из румынской Бессарабии в 1923–1930-х годах; а также «вторичная» миграция нансеновских беженцев из Европы на протяжении 1930-х годов. Вторая волна представляла собой послевоенное переселение русских перемещенных лиц (так называемых ДиПи), а третья – переселение русских из Китая на протяжении 1950-х годов. Автор опирается на источники из государственных и частных архивов (включая источники, местом хранения которых являются бразильские депозитарии информации) – такие, как русскоязычные периодические издания в Бразилии, нормативные акты местного правительства, а также интервью с потомками русских эмигрантов. Автор проводит сравнительный анализ условий и особенностей каждой из поименованных миграционных волн, на основе чего делается вывод о необходимости рассмотрения паттернов адаптации русскоязычных мигрантов в Бразилии в свете политических и экономических условий страны в каждый отдельный обозначенный исторический период их прибытия. Отмечается также, что антисоветские настроения в бразильской политике начиная с середины 1930-х годов отрицательно повлияли на сохранение русского языка и русской культуры в стране.

→ Ключевые слова

Русская эмиграция, перемещенные лица, русские из Китая, Сан-Паулу, Бразилия

Благодарности: Автор выражает благодарность Инне Викторовне Русеишвили-Гарбелотто за внимательное чтение и важные комментарии к статье.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-54-73>

Исследовательская статья

Русеишвили Светлана Альбертовна, доктор социологии (PhD), координатор Кафедры Сержио Виейра ди Мелло; доцент Факультета социологии Федерального университета города Сан-Карлос, штат Сан-Паулу (Бразилия).

E-mail: svetlana@ufscar.br

Для корреспонденции: CEP 13565-905, Бразилия, Сан-Карлос, SP-310, ш. Вашингтон Луис, 235 км

Для цитирования: Русеишвили С.А. Русская иммиграция в Бразилию в первой половине XX века: миграционные пути и модели адаптации. *Ибероамериканские тетради*. 2020, 8(3): 54–73. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-54-73>.

Статья поступила в редакцию: 15.12.2020

Принята к публикации: 14.01.2021

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Там (в Париже) прежде всего был раздел поколений, затем был раздел политический: правый и левый, то есть монархический (с которым общения не было) и так называемый социалистический (довольно, впрочем, приближенно). Там можно было почувствовать москвича и петербуржца или бывшего столичного жителя и провинциала, человека, прошедшего гражданскую войну, и человека, прошедшего университет. Здесь (в Нью-Йорке) эти категории не существовали. Здесь дело шло о том: когда ушел из России? В 1920 году? В 1943-м? Когда оказался в Америке? В 1925 году? В 1939-м? В 1950-м? ¹

Н. Берберова

Так пишет Нина Берберова о критериях, по которым выстраивались отношения внутри русской эмиграции во Франции и в США. Можно сказать, что и в Бразилии раздел также проходил через политические убеждения, через поколенческие различия, через былую принадлежность к одному, либо другому сословию. Год приезда в Бразилию тоже имел значение, как и место жительства, место работы и экономическая стабильность, если ее удавалось достичь за годы жизни в стране.

Чтобы понять отношения между русскими в Бразилии в XX в., необходимо иметь в виду, что русское сообщество в этой стране было сформировано за счет нескольких волн вынужденной эмиграции: первая – из бывшей Российской империи после окончания Гражданской войны, вторая – из СССР после Второй мировой войны, и последняя – после исхода русских из Китая в 1950-х гг. Бразилия не являлась приоритетным направлением для русскоязычных беженцев и переселенцев, тем не менее была направлением возможным. Сюда было не так сложно попасть и получить документы на законное пребывание, здесь было больше возможностей построить свою жизнь с нуля. Помимо этого, многие рассматривали Бразилию как трамплин для последующего переселения в США, страну более желанную для жизни и трудоустройства².

В данной статье рассматриваются три основные волны русской иммиграции в Бразилию. С начала XX в. город Сан-Паулу становится главным промышленным центром страны и одним из самых больших городов Латинской Америки. Его экономическое и культурное развитие было во многом обязано иммигрантам из Италии, Португалии, Германии, Османской империи, Польши и стран Восточной Европы. Сан-Паулу был городом возможностей и потому привлекал иммигрантов: в 1934 г., например, иностранцы составляли 30,9% городского населения³.

История русской общины в Бразилии еще недостаточно хорошо известна как русскоязычной, так и португалоязычной публике. Стоит отметить научные труды М.Н. Мосейкиной, А.А. Хисамутдинова, Р. Колупаева и С.Ю. Нечаева⁴, в которых русскоязычная иммиграция в Бразилии рассматривается в основном в общем контексте стран Южной Америки. Среди бразильских источников стоит выделить труды Жоржа Косикова, Александра Воробьева, Анастасии Бытсенко, Жасинто Заболоцкого, Александра Жебита и Эрика Зена⁵.

Данная статья опирается на обширную палитру источников. Были проанализированы нормативные акты Бразилии и штата Сан-Паулу, регулирующие прием, размещение и правовое положение мигрантов; делопроизводственные документы различных

1 Берберова, Н. Курсив мой. Автобиография. М.: Согласие, 1996. 736 с.

2 Это особенно верно для русских ДиПи (*displaced persons*), приехавших после Второй мировой войны, и для русских из Китая в 1950-е гг.

3 Baeninger and Bassanezi 2006, 5.

4 Мосейкина 2000, 2003, 2010; Хисамутдинов 2005; Колупаев 2011; Нечаев 2010.

5 Cacicov 2005, 2007, 2015, 2017; Vorobieff 2006; Bytsenko 2006; Zabolotsky 2007; Zen 2010; Zhebit 2009.

международных и местных организаций, ответственных за переселение русских; русскоязычная и бразильская периодическая печать; опубликованные и неопубликованные мемуары и воспоминания; фотографии и, наконец, интервью с потомками русских эмигрантов, а также с представителями русских общественных организаций и православных приходов. Без претензии на исчерпание темы русской диаспоры в Бразилии, в настоящей работе предпринимается попытка охарактеризовать экономический, политический и культурный контексты трех основных волн русскоязычной миграции в страну, а также оценить количественный масштаб этого явления. Помимо этого, в статье особое место уделяется социально-экономическим условиям адаптации русских в стране и поддержанию русскоязычной общественной жизни.

I. Первая волна русской миграции в Бразилию

Первая волна русскоязычной иммиграции в Бразилию была вызвана Октябрьской революцией и в особенности Гражданской войной. Ее можно разделить на три основных периода: 1) в 1921 г. в штат Сан-Паулу были перевезены около тысячи белогвардейцев, эвакуированных из Крыма в ноябре 1920 г.; 2) между 1920 и 1927 гг. в Сан-Паулу прибыли около 26 тыс. крестьян из Бессарабии; 3) в течение 1930-х гг. были перевезены сотни русских беженцев из Европы при посредничестве Лиги Наций. Благодаря этим трем миграционным волнам, в первой половине XX в. Сан-Паулу стал одним из мировых центров русской диаспоры, в особенности ее монархического и антисоветского крыла.

1.1. Белогвардейцы в Сан-Паулу: из Крыма в Бразилию

12 июля 1921 г. французский трансатлантический лайнер *Aquitaine* доставил в порт города Сантос 422 русских беженца. Три недели спустя, 2 августа, прибыло второе французское судно, *Provence*, с 651 русским пассажиром на борту. Все 1073 русских пассажира, прибывших на этих двух судах, следовали из порта города Аяччо французской Корсики. Всех их объединяла одна судьба: солдаты и офицеры Белой армии, эвакуированные из Крыма в ноябре 1920 г., после нескольких месяцев пребывания на полуострове Галлиполи в окрестностях Константинополя в апреле-мае 1921 г. были перевезены на Корсику при участии французских военных властей, а в июле и августе – направлены в штат Сан-Паулу по договору с местным правительством. Первая группа военных прибыла под началом капитана Александра Павловича Брагина, а вторая – под руководством Василия Георгиевича Фези-Жилинского.

История договора французских властей с правительством штата Сан-Паулу по принятию русских беженцев до сих пор вызывает много вопросов, т.к. в тот период миграционная политика Бразилии не предусматривала прием иностранцев на гуманитарной основе, а только как рабочую силу для кофейных плантаций и постройки железных дорог. По прибытии в порт города Сантос, согласно законам штата Сан-Паулу, всех мигрантов переправляли поездом в столицу штата, где они помещались в Иммиграционном доме – центре по приему иммигрантов, в котором проходили медицинские обследования, получали документы и заключали рабочие контракты. После этого иммигранты направлялись за счет работодателя в отдаленные от столицы сельскохозяйственные районы штата, где должны были работать как минимум два года на плантациях или строительных работах.

Вполне возможно, что сами бывшие белогвардейцы не имели полного представления о том, какая участь их ждет в Бразилии. Впоследствии в Европе даже ходили слухи, что капитан Брагин продавал русских как «белых рабов» плантаторам Сан-Паулу.

По прибытии в Иммиграционный дом в Сан-Паулу, пассажиры второго парохода узнали, что многие соотечественники несколькими неделями раньше тайно бежали с плантаций от невыносимых условий и находились в столице без крыши над головой и без средств к существованию. Это вызвало недовольство вновь прибывших и небольшой бунт, который закончился высылкой группы из около 400 человек обратно на Корсику. Вот как описывает в своих мемуарах этот инцидент журналист Николай Дахов, который был в числе пассажиров парохода *Provence*:

Приехали мы ночью. <...> Утром в большом зале начали опрашивать специальности: плотники, столяры, кузнецы, каменщики и т.д. Таких нашлось единицы, а потом предложили: на кофейные плантации или на постройку шоссе дорог. Оказалось, что вся группа Брагина сбежала с кофейных плантаций и было несколько человек возле Иммиграционного дома и говорили, чтобы на плантации не ехали – пропадете! Эти павильоны обнесены стеной метров пять высоты, железные двери – ворота, где часовые, форменная крепость. Возле этих ворот всегда толпится публика и берет иммигрантов и говорит новости, торгует апельсинами, бананами и всякой мелочью, через ворота и ведут разговор. Часовые любезно и охотно вызывают кого ищут, это не тюрьма, но должен быть порядок и чистота. В зале была вся группа Жилинского. Можете себе представить какой это зал? 500 человек вместились, а зал еще неполон. Вот здесь снова появился «революционный комитет». Какой-то Себов и др. категорически заявили: мы ехали не на работу, а на собственную землю. Нам обещали дать землю, инвентарь и пособия. Ни на плантации, ни на дороги мы не поедem. Давайте землю или везите назад! <...> Устроили бунт. <...> Человек 220-250 было бунтовщиков. Подали снова состав поезда, посадили их в вагоны, заперли и увезли в Сантос¹.

Согласно спискам пассажиров судна *Provence*², из 651 русского только 188 остались в Бразилии. Из них 85 человек смогли сразу обосноваться в столице штата, городе Сан-Паулу, а остальные были направлены по контрактам на кофейные плантации недалеко от таких городов, как Иту (Itú), Сан-Симау (São Simão), Порту-Феррейра (Porto Ferreira), Корумбатаи (Corumbatai) и др.

Списки пассажиров этих двух судов представляют собой ценный исторический документ, по которому мы можем восстановить демографические характеристики белогвардейцев, прибывших в Бразилию в 1921 г. По бразильским законам, списки составлялись в двух экземплярах. Первый заполнялся капитаном корабля при посадке в порту отправления. В нем указывались полное имя пассажира, его возраст, гражданское состояние, национальность, религия, грамотность, профессия, последнее место жительства и место назначения в Бразилии. Второй экземпляр заполнялся служащим бразильской миграционной службы уже после прибытия судна. В нем делались необходимые поправки о профессии пассажира и пометки о заключенном в Иммиграционном доме рабочем контракте.

1 "Bakhtmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Nikolai Trofimovich Dakhov Papers," Columbia University, Rare Book and Manuscript Library, accessed December 1, 2020, <https://library.columbia.edu/libraries/rbml/units/bakhtmeteff.html>.

2 Отсканированные версии списков доступны онлайн для *Aquitaine* (http://www.inci.org.br/acervodigital/upload/listas/BR_APESP_MI_LP_011483.pdf) и *Provence* (http://www.inci.org.br/acervodigital/upload/listas/BR_APESP_MI_LP_011524.pdf).

Судя по спискам пассажиров парохода *Aquitaine*, из 422 русских 381 был мужского пола и 41 – женского. Из них 317 были холосты, 100 состояли в браке. Семей было всего 28, из них 19 без детей. На борту также было 14 детей в возрасте до 14 лет, 86 человек в возрасте от 31 до 45 лет и 5 в возрасте старше 46 лет. Таким образом, 317 человек прибывших в Сан-Паулу в июле 1921 г. были молодыми неженатыми мужчинами.

Что касается 651 русского пассажира парохода *Provence*, то здесь было немало больше семей и женщин: 41 семья, из которых 30 – с детьми, и 61 женщина. Тем не менее, так же как и на пароходе *Aquitaine*, большинство пассажиров были молодыми мужчинами в возрасте от 15 до 30 лет¹.

Интересно, что все без исключения прибывшие на обоих пароходах указали «Севастополь, Крым» как последнее место проживания и «Армия в Крыму» как исходный пункт отправления. Также важно отметить, что в первом экземпляре списка для всех без исключения пассажиров в графе «профессия» значится «крестьянин». При этом во втором экземпляре появляются разнообразные рабочие профессии и специальности: каменщики, плотники, механики, агрономы, химики, топографы, инженеры, студенты и т.д. Такая разница в данных объясняется тем, что на Корсике белогвардейцам стало известно, что Бразилия принимает исключительно работников на сельскохозяйственные работы, и поэтому все сделали соответствующие записи в графу «профессия». По прибытии же выяснилось, что почти никто не знаком с сельским хозяйством, и тогда в ход пошли те навыки, которым многие обучились во время Гражданской войны. Бразилию не интересовали квалифицированные рабочие и люди свободных профессий, поэтому многим пришлось соглашаться на низкоквалифицированные работы.

Судя по немногим доступным автобиографическим материалам этой волны эмиграции в Сан-Паулу, эти молодые, не обремененные семьями мужчины, в прошлом солдаты Русской армии, очень недолго пробыли на плантациях и постройках дорог как разнорабочие. Многие объединялись в небольшие группы, прерывали контракты или тайно сбежали в большие города, чаще всего в Сан-Паулу. В 1920-х гг. Сан-Паулу был одним из самых больших городов Латинской Америки и продолжал развиваться стремительными темпами, во многом за счет иммигрантов, которые оставляли сельскохозяйственные работы в глубине штата и переезжали в большие города в поисках рабочих мест в быстроразвивающемся промышленном секторе. Сан-Паулу, который в последнее десятилетие XIX в. насчитывал всего 64 тыс. жителей, в 1934 г. уже имел население больше одного миллиона человек². В таком быстрорастущем мегаполисе для иммигрантов было больше экономических возможностей, хотя русским так и не удалось занять какую-либо специфическую нишу в экономике, как, например, в Париже (таксисты) или в Нью-Йорке (маляры). Удивляет разнообразие занятий, которыми бывшие белогвардейцы зарабатывали себе на жизнь в первые годы после приезда: транспортные услуги (такси и грузовые перевозки), уличная торговля, сельское хозяйство и животноводство (разведение цыплят, разведение свиней, садоводство, производство молока), покупка и продажа городских участков, вырубка девственных лесов и многое другое.

Незнание языка, отсутствие социального капитала и организованной взаимопомощи требовали от этих молодых людей высокой мобильности. Многие искали возможности в глубинке штата Сан-Паулу или в других штатах страны. Например, Николай Тормазов, бывший офицер Российской императорской армии, зарабатывал на жизнь тем, что, представляясь персидским предсказателем судьбы, путешествовал по малень-

1 Ruseishvili 2016, 95–98.

2 Blay 1985, 59; Fausto 1995, 78.

ким бразильским городкам со спектаклем «Сад-Нога, персидский князь, читающий по картам прошлое, настоящее и будущее»¹.

Если говорить о наиболее распространенных видах деятельности, то столярное дело и землемерные работы можно с натяжкой считать некой профессиональной нишей для русских эмигрантов этого периода. В столярных мастерских большого города всегда было много заказов, и этот вид деятельности считался более престижным, чем неквалифицированный труд, который продолжал ассоциироваться в бразильском сознании с рабством и поэтому был крайне обесценен. Также для работы в мастерских знание португальского языка было необязательным. Что касается землемерных работ, то в Бразилии в начале века ощущалась острая нехватка рабочих этих специальностей, т.к. практически отсутствовали технические училища. Основы межевания были знакомы людям, прошедшим Гражданскую войну, и потому они с легкостью находили работу в этой области. Благодаря быстрому росту городов, а также расширению транспортной инфраструктуры, спрос на таких специалистов в 1920-е и 1930-е гг. был стабильно высоким.

1.2. Крестьяне с юго-западных окраин Российской империи

В 1920-е гг. город Сан-Паулу и одноименный штат стали пунктом назначения огромного потока русскоязычных крестьян с юго-западных окраин бывшей Российской империи. По итогам Первой мировой войны многие территории бывшей Российской империи отошли к соседним странам. Наибольшие потоки в Бразилию устремились из Бессарабии и Буковины – двух регионов, находившихся на тот момент в составе Румынии, потому по прибытии в Бразилию эти иммигранты были записаны как «бессарабцы из Румынии», хотя в большинстве своем это были русскоязычные православные крестьяне, которые впоследствии составили сердце русской колонии в Сан-Паулу.

Согласно данным Управления сельским хозяйством штата Сан-Паулу, между 1923 и 1927 гг. въехало около 26 тыс. крестьян из Бессарабии и Буковины с румынскими паспортами (Таблица 1).

→ Таблица 1

Количество въездов и выездов иммигрантов с румынскими паспортами в штат Сан-Паулу, 1923-1930 гг.

Год	Количество въездов	Количество выездов	Остаток
1923	2.037	Без данных	2.037
1924	5.813	Без данных	5.813
1925	5.387	Без данных	5.387
1926	15.475	1.017	14.458
1927	408	1.871	- 1.463
1928	584	1.009	-425
1929	859	Без данных	859
1930	864	1.085	- 221
Сумма:	26.040	4.982	21.058

Источник: Relatórios anuais da Secretaria da Agricultura do Estado de São Paulo, 1923-1930.

¹ Архив Кафедрального Собора Святого Николая в Сан-Паулу, коллекция Святослава Голубинцева, книга журнальных вырезок за 1930-1938 гг.

Исход бессарабских крестьян в 1920–е гг. хорошо изучен и описан румынскими исследователями. Среди главных причин они выделяют экономические последствия Первой мировой войны, румынскую земельную и политическую реформу, дискриминирующую русскоязычных православных крестьян, а также засуху. По этим причинам одна часть крестьянства устремилась из деревень в города, другая часть эмигрировала из Румынии в Украинскую ССР, а многие и вовсе – в Латинскую Америку.

Расследование, проведенное в сентябре 1925 г. Управлением полиции и общей безопасности Румынии, по запросу Министерства труда в уездах Кагул, Четатя-Албэ и Измаил зафиксировало тревожные настроения в регионе: «Все села на юге Бессарабии беспокоит мысль об эмиграции». Поселенцы «собираются тайно, формируют регистрационные списки, отправляют делегации в Бухарест и продают свои земли». <...> Подготовка к эмиграции шла по следующей схеме: желающие эмигрировать отправили делегата в Бухарест, чтобы разобраться с представителями миграционных служб и получить конкретную информацию об условиях эмиграции. <...> Делегатов интересовали условия переезда и размещения, в частности дорога Бухарест-Триест-Сан-Паулу (Бразилия), по заверениям миграционных агентов, должна была быть бесплатной. Также было обещано, что в месте назначения эмигрантам будет выделен дом с садом, скотом и сельскохозяйственным инвентарем. Обязанность каждого прибывшего – отработать от 3 до 6 месяцев на кофейных плантациях, получая за работу 1-2 доллара в день. А по истечении контракта у крестьян будет возможность купить качественную землю¹.

Таким образом, как следует из бразильских данных, пик бессарабской иммиграции в Сан-Паулу пришелся на 1924, 1925 и 1926 гг. В 1927 г., однако, мы наблюдаем резкий спад иммиграции и пик возвращения этих крестьян в Европу. Эти изменения были вызваны тем, что вскоре после приезда бессарабцы увидели, что реальность их поселения в Бразилии очень далека от Эльдorado, обещанного им миграционной пропагандой Румынии. Приезжая в Сан-Паулу, они направлялись в Иммиграционный дом, где их распределяли по кофейным плантациям, на которых каждой крестьянской семье выделялась очень простая хижина и небольшой огород. Взамен семья должна была сажать кофейные деревья, ухаживать за ними в течение года и собирать урожай. Оплата труда производилась раз в год, после сдачи урожая. Кроме того, крестьяне попадали в зависимость от владельца плантации: семена, инвентарь и продукты питания они вынуждены были приобретать на складе плантации по завышенной цене, и таким образом им было сложно накопить денежные средства для приобретения собственной земли.

Помимо этого, к концу 1920–х гг. в Бразилии назрел кризис кофейного производства, который отразился на сельскохозяйственной рабочей силе, состоящей до этого преимущественно из европейских иммигрантов. С середины 1920–х гг. иммигрантские потоки в Сан-Паулу значительно уменьшились, и плантаторы перешли на местную рабочую силу, которая стекалась из бедных северо-восточных штатов и соглашалась на краткосрочные контракты, в отличие от иммигрантских семей, которым требовались долгие контракты и минимальные условия для проживания – хижина и огород. Бесса-

рабские крестьяне приезжали именно в этот период смены профиля сельскохозяйственных работ на плантациях штата Сан-Паулу, поэтому местная экономика была не вполне способна обеспечить работой всех приезжих.

В 1926 г. в годовом отчете Управления сельским хозяйством штата Сан-Паулу было отмечено тяжелое состояние миграционной ситуации в штате из-за нарастающего кризиса на плантациях:

Кризис, возникший в Миграционной службе штата из-за задержки в Иммиграционном доме нескольких групп бессарабцев из Румынии, обусловлен тем, что им не были четко разъяснены условия жизни и труда, предоставляемые на кофейных плантациях, а также тем, что эти группы приехали в неподходящее время для их быстрого и оптимального размещения. Тем не менее кризис был благополучно урегулирован, и ситуация не вызывает причин для беспокойства. В будущем будет допускаться только такое количество иммигрантов и в такие периоды, когда они смогут быть быстро размещены на плантациях. Помимо этого, перед посадкой на судно им будет предоставляться точная информация об условиях жизни в штате, а также произведен отбор наиболее подходящих для работы в сельском хозяйстве национальностей и семей¹.

Кризис, вызванный задержкой группы бессарабцев в Иммиграционном доме в Сан-Паулу, который упоминается в докладе, на самом деле был настоящим бунтом. Исследователь бессарабской иммиграции в Бразилии Жорже Косиков пишет, что крестьяне, помещенные в Доме и ожидавшие своего переезда на плантации, узнали от соотечественников о тяжелейших условиях жизни и низкой оплате труда и отказались ехать вглубь страны по контрактам, требуя либо отправить их обратно, либо выдать им собственность, скот и инвентарь. Так как ни то, ни другое было невозможно сделать, а недовольство только нарастало, администрация иммиграционного центра заперла семьи бунтовщиков на несколько недель в здании, как в тюрьме, а позже перевезла часть на остров на побережье штата, где они содержались под стражей в ужасных условиях, а другую часть перевезла в город Рибейран-Прету (Ribeirão Preto), откуда их насильно распределили по плантациям².

Таким образом, в течение 1920-х гг. русскоязычные крестьяне из Бессарабии и Буковины находились либо на работах на кофейных плантациях, либо переезжали в столицу и селились в отдаленных малонаселенных районах города, где цены на землю были для них доступными. Анализ приходских книг Русской православной церкви в Сан-Паулу показывает, что уже в 1927 г. (первые записи датируются именно этим годом) абсолютное большинство прихожан были выходцами из Бессарабии. С 1928 г. начала действовать первая русская баптистская церковь на окраине Сан-Паулу, Вила Пруденте (Vila Prudente), основанная бессарабскими иммигрантами.

Мировой экономический кризис 1929 г. нанес непоправимый удар по кофейному производству в штате Сан-Паулу. Многие плантаторы были на грани разорения и, чтобы не потерять свой капитал, стремились разнообразить свою экономическую деятельность путем расчленения своих земель для продажи мелких участков. Участки продавались в рассрочку по доступной крестьянам цене и представляли собой прекрасную возможность для осуществления миграционного проекта бессарабцев – приобретения собственной земли. Благодаря посредничеству русскоязычных иммигрантов информация

1 Relatório anual da Secretaria da Agricultura do Estado de São Paulo 1926, 114.

2 Covicov 2017.

об этой возможности распространялась среди русскоязычной колонии, и многие бессарабцы ею воспользовались. Николай Дахов, журналист и главный редактор еженедельной «Русской газеты» – первого русскоязычного издания в городе Сан-Паулу, – был агентом крупного бразильского землевладельца Луиса Ферраз де Мескиты (Luis Ferraz de Mesquita) по продаже участков в западной части штата. Через газету он давал объявления, а также сопровождал бессарабцев до участков, получая от плантатора Де Мескиты комиссионные. Благодаря таким посредникам, как Дахов, на западе штата стали образовываться поселения, в которых крестьяне селились по языковому признаку и занимались сельским хозяйством. В своих трудах Косиков насчитал больше десяти таких поселений с присутствием русскоязычных крестьян, которые в Сан-Паулу назывались сельскохозяйственными колониями¹. Позже одна из самых известных колоний – Бализа, – превратилась в город Луселия (Lucélia)².

1.3. «Вторичная» нансеновская эмиграция русских из Европы

Труд и хозяйство бессарабцев восстановили престиж русского имени, хотя у них паспорта румынские. Врангелевцы как интеллигенты и рабочие, а бессарабцы как землеробы. Прошло 10 лет! Через Нансеновский комитет в 1930–31 году приехала третья группа русских. Конечно, тоже Белые, как и мы, но мы-то прямо с полков приехали и сразу взялись за труд и устроились, а эти 10 лет бродяжничали по всей Европе, и голод заставил их делать то, что они бы в нормальной обстановке никогда не делали. Сделались босьяками, авантюристами и скверными элементами, но это самое лучшее, что было в старой России. Интеллигенция. Эти ехали не на плантации или в лес, как мы, а на железную дорогу в город Сан-Паулу по контракту. По контракту их везла и Лига Наций³.

Так Николай Дахов описывает в своих мемуарах третью волну русских, приехавших в Сан-Паулу до начала Второй мировой войны. Это были те, которые бежали из России после Революции и Гражданской войны, осели в европейских странах под протекцией Верховного комиссариата Лиги Наций по делам беженцев и теперь стремились переехать из Европы на американский континент.

Стоит отметить, что уже в 1924 г., на четвертом заседании Лиги Наций, было решено подключить к решению вопроса русских и армянских беженцев в Европе Международное бюро труда (МБТ). Идея состояла в том, чтобы МБТ вплотную занялось их переселением на другие континенты, отдавая предпочтение странам, активно принимавшим переселенцев на протяжении XIX в., таким как Аргентина, Бразилия, Уругвай и Парагвай. Таким образом, в январе 1925 г. в МБТ было создано Бюро по беженцам, которое выступало как посредник между работодателями в принимающих странах и беженцами, готовыми к переезду. Беженцы, заключившие контракты, получали билет на пароход и денежные средства на первые недели жизни в новой стране. Несмотря на большие усилия, которые прилагало МБТ, чтобы подключить к этой схеме латиноамериканские страны, 1920-е гг. были периодом значительного спада миграционных потоков в Южную Америку, а также роста националистических и антимиграционных настроений в местной политике. Таким образом, за четыре года работы (1925–1928) из 50 тыс. переселенных по схеме МБТ беженцев только 8% были направлены в страны Латинской Америки⁴.

1 Cocicov 2007.

2 Lozovanu and Souza 2019.

3 "Bakhtmeteff Archive."

4 Kévonian 2005, 22–23.

С начала 1930 г. работы по переселению опять перешли в сферу деятельности Лиги Наций, а точнее ее Международного бюро Нансена по делам беженцев. Бюро продолжил направлять беженцев по контрактам по схеме, разработанной МБТ. Компании, готовые принять на работу беженцев, присылали в бюро заявки с пояснением необходимого количества работников, условий труда, проживания и зарплаты, а также прилагали копию рабочего контракта. Бюро Нансена распространяло эту информацию через хорошо налаженную сеть русских организаций по взаимопомощи в европейских странах. Составлялись списки согласных на переезд, и по этим спискам бюро помогало с дальнейшими процедурами получения необходимых документов: виз, билетов на паром и т.д. Ссуды, выданные Лигой Наций беженцам для переезда, должны были быть погашены из их будущих заработков в стране назначения.

В архивах Лиги Наций в Женеве можно встретить документы, свидетельствующие о переговорах Бюро по беженцам МБТ с большими бразильскими компаниями, преимущественно сельскохозяйственного или строительного сектора, в южных и юго-западных штатах страны. Например, одно из основных частных железнодорожных предприятий Бразилии «The São Paulo Railway Company Ltda» предлагало Нансенскому бюро и МБТ принять на работу 400 русских беженцев. В основном это были места для низкоквалифицированных рабочих: компании требовались 50 каменщиков, 50 столяров и 300 разнорабочих. Управление предприятия обещало принять на работу еще тысячу русских беженцев, если первый опыт переселения пройдет успешно. Компания также уведомляла, что отдает предпочтение неженатым мужчинам в трудоспособном возрасте (до 40 лет), но, как исключение, может принять и семьи. Все рабочие направлялись на строительство железной дороги в штате Сан-Паулу на 10-часовой рабочий день с двумя выходными в месяц. Компания обещала селить рабочих в общежитиях по национальному признаку, чтобы облегчить языковую адаптацию.

В МБТ рассмотрели это предложение и нашли его вполне подходящим, и потому были очень удивлены, когда получили ответ от председателя Комитета русских эмигрантов в Эстонии, который настаивал на том, что условия переезда в Бразилию недостаточно хорошо изучены служащими МБТ. Для русских уже не было секретом, что условия труда и проживания на бразильских стройках были неудовлетворительными, и многие соотечественники бежали со своих рабочих мест в города в поисках более высоких заработков и лучшего качества жизни. Отправлять людей на работы в заведомо неблагоприятные условия было нецелесообразным. Председатель Комитета, например, предлагал МБТ рассмотреть возможность «устраивать рабочих в городах, то есть в местах культурных, не подверженных эпидемическим заболеваниям тропическими лихорадками и доступных для организации правовой защиты переселенцев»¹. После нескольких месяцев переговоров, Комитет русских эмигрантов в Эстонии все-таки смог собрать группу из 21 человека для переезда.

Сложно точно сказать, сколько русских переехало из Европы в Бразилию при посредничестве МБТ и Лиги Наций в 1930-х гг., т.к. в Бразилии отсутствуют официальные данные. Но уверенно можно заявить, что жизнь рискнувших переехать складывалась непросто. Например, в августе 1929 г. Верховному комиссариату Лиги Наций по беженцам стало известно, что за несколько месяцев пребывания на строительных работах в

1 Письмо делегату Международного бюро труда Г. Галлати от председателя Комитета русских эмигрантов в Эстонии профессора В.А. Рогожника от 28 января 1929 года. Delegation in Warsaw (Poland) – Transportation to Brazil of Russian Refugee Workers: Engagement by the Sao Paulo Railway Company Limited. 1929. C 1310/206/ 02.1 United Nations Archives, Geneva.

Сан-Паулу, 14 русских разорвали контракты и бежали с рабочих площадок¹. Помимо этого, в феврале 1930 г. в русской газете «Руль», издававшейся в Германии, была опубликована небольшая заметка под названием «Злоключения беженца», которая бросала тень на схему переселения русских в Бразилию через Бюро Нансена и МБТ. Автор уверял, что по приезде в порт города Сантос группу русских, с которыми он приехал, не встретили представители работодателя и им пришлось своими силами добираться до столицы. Там после нескольких дней в Иммиграционном доме они поняли, что нет смысла ждать работодателей и вышли в город в поисках возможностей заработать. Автор пишет: «Контракт был подписан только одной стороной. Если бы посылали только мужчин, а то посылают и женщин с грудными детьми, они могут идти только на плантации. У многих из нашего транспорта остались больные родные без копейки денег, они думали, что едут на работу и смогут пересылать старикам, но многие уже распродали свои вещи, потому что здесь кризис и работу найти трудно. Двое из нашей партии поехали зайцами обратно»².

Так или иначе, переселенным по контрактам русским, как и их соотечественникам, приехавшим в 1921 г., пришлось пройти через тяжелый физический труд на железных дорогах. Некоторым удалось перейти на административные или технические должности. Многие бежали с работ и, скрываясь от представителей Лиги Наций, искали альтернативные пути заработка, либо пытались переехать в другие страны Латинской или Северной Америки.

Приехавшие на восемь лет раньше белогвардейцы в целом дружелюбно относились к переселенным Лигой Наций из Европы русским, но также критиковали их легкомысленное отношение к трудностям жизни в новой стране. Дело в том, что им самим пришлось пройти все трудности адаптации в новых условиях, связанные с занятостью, языком, жилищными условиями, культурой, отсутствием правозащитных и общественных организаций, и поэтому намерения новоприбывших сразу попасть на руководящие должности и в городскую среду казались им завышенными ожиданиями. «Русская газета», выходящая в Сан-Паулу на русском языке два раза в неделю, так писала об этих соотечественниках:

В позапрошлом воскресенье мы отправились посмотреть на наших соотечественников, только что прибывших из разных стран в Бразилию за счет Лиги Наций. О приезде их уже давно шли в русской колонии слухи и хотелось на месте проверить, что именно было в этих слухах правды, а также попытаться добрым словом и советом помочь новым эмигрантам в первых, конечно, самых трудных шагах в новой стране. <...>

Прежде всего, Бразилия нуждается в рабочих руках, но именно в рабочих. Места директоров, управляющих, начальников – заняты. Вы сможете встать в ряды их, но только когда вы докажете, что вы действительно заслуживаете этого места. Русский, не знающий португальского языка, не может заняться интеллигентным трудом. Знание английского, немецкого, итальянского языков может оказать большую помощь. Но даже при наличии этого знания, первое ваше место будет обязательно место чер-

1 Le Haut-Commissaire adjoint pour les réfugiés à M. Schlesinger, Berlin. 13 de agosto de 1929. R 412/1/9/1. Situation of Russian Refugees in Brazil – Employment with the Sorocabana Railway Track (Sociedade Commercial e Constructora, Sao Paulo). C1574/470/20B/18831/17140. United Nations Archives, Geneva.

2 «Злоключения беженца. От одного из беженцев, отправленных в Бразилию, получено в Берлине следующее письмо». Руль, № 2812, 25 февраля 1930 г.» Delegation in Germany (Berlin) – Employment of Russian Refugee Workers by the Sociedade Commercial e Constructora, Sao Paulo (2 and 3): Correspondence with the Geneva Office, the German Authorities, the Transport Company, etc. C1245/142/141. United Nations Archives, Geneva.

норабочего. Бразилия не принимает аттестатов, дипломов, документов о хорошем поведении, рекомендаций из заграницы. Прежде всего она хочет сама посмотреть, что вы из себя представляете. Затем вам дорога открыта. В том же самом предприятии, где вы сегодня копаете лопатой землю, завтра вы можете быть инженером. Только докажите, что вы знаете, что вы умеете работать и хотите работать. <...>

Да, здесь можно добиться интеллигентного труда, но каждый должен начать с черной работы. Только после изучения местного языка, после того, как на деле будет доказана ваша трудоспособность, только после этого вы сможете занять место, которого вы стоите¹.

Несмотря на все трудности, ожидавшие русских, приехавших в Сан-Паулу при участии Лиги Наций и МБТ, они все-таки были в намного более выгодном положении по сравнению с теми, кто приехал в начале 1920-х гг. Первые не имели практически никакой коллективной поддержки, т.к. не существовало еще ни русскоязычных организаций, ни даже православных приходов. Каждый выживал самостоятельно, либо объединившись с товарищами по полку. Первые русские организации в городе начали появляться со второй половины 1920-х гг. В 1926 г. Сергей Успенский начал вести русскоязычную колонку в бразильском журнале *Folha da Manhã*, а с 1928 г. начинает издаваться «Русская газета» Дахова; в этом же году был организован первый православный приход в честь Святого Николая с собственным домовым храмом; с конца 1920-х гг. начинают свою работу в Сан-Паулу Русский общественный союз, Союз русской интеллигенции, Союз русских инвалидов и Клуб партии Младороссов; открываются русскоязычные магазины, столовые и медицинские кабинеты². Таким образом, в распоряжении приехавших на рубеже 1920-х и 1930-х гг. были разнообразные общественные организации, которые облегчали их адаптацию.

К концу 1930-х гг. мы можем с уверенностью говорить о русской общественной жизни в Сан-Паулу. Наравне с Буэнос-Айресом, город становится центром русской эмигрантской жизни в Латинской Америке. Сюда съезжаются многие эмигранты, которым не удалось прижиться в соседних странах. Например, казачий полк генерала Ивана Демидовича Павличенко, который прожил несколько лет в Перу на отданных им правительством на колонизацию территориях, после неудач с возделыванием земель в тропическом климате расформировался, и многие, как и сам Павличенко, переехали в Бразилию в поисках новых путей к выживанию. Несмотря на то, что многие русские были разбросаны по городам штата Сан-Паулу и другим бразильским штатам, судя по публикациям в «Русской газете», их общение в диаспоре проходило через организации, приходы и издания, базирующиеся в Сан-Паулу.

Главный удар по русскоязычной культурной и политической жизни был нанесен бразильским правительством. В апреле 1938 г. правительство Жетулиу Варгаса опубликовало декрет, запрещающий иностранцам любую политическую деятельность, а также издательство газет на иностранных языках³. За ним последовали и другие запреты, доходившие до наказаний за использование иностранного языка в общественных местах и

1 «Новые русские эмигранты в Бразилии», Русская Газета, № 72, 1929". Delegation in Germany (Berlin) – Employment of Russian Refugee Workers by the Sociedade Commercial e Constructora, Sao Paulo: Correspondence With the Geneva Office, the German and Brazilian Authorities, the Transport Company, etc. Ref code: C1574/470/20B/18831/17140. United Nations Archives, Geneva.

2 Ruseishvili 2016, 201-202.

3 "Decreto 383 de 18 de abril de 1938. "Veda a estrangeiros a atividade politica no Brasil e dá outras providências", Camara dos Deputados, accessed December 2, 2020, <https://www2.camara.leg.br/legin/fed/decllei/1930-1939/decreto-lei-383-18-abril-1938-350781-publicacaooriginal-1-pe.html>.

даже в церквях. К концу 1930-х гг. миграционные потоки в Бразилию значительно уменьшились, а в 1941 г. страна и вовсе запретила въезд всем иностранным переселенцам. На этом поток русскоязычных иммигрантов в Бразилию прекратился и возобновился только после Второй мировой войны.

II. Перемещенные лица из СССР в Бразилию после Второй мировой войны

По окончании Второй мировой войны в Европе находилось около полутора миллионов беженцев и перемещенных лиц (их называли ДиПи, от английского термина *displaced persons, DPs*)¹. Одной из стратегий международных организаций по решению гуманитарного кризиса было переселение части этого контингента в страны двух Америк. В 1945 г. Бразилия открыла границы для иностранных граждан², а с 1946 г. согласилась участвовать в переселенческих проектах Межправительственного комитета по делам беженцев и, после 1948 г., Международной организации по делам беженцев ООН. По оценкам бразильских исследователей, с 1947 по 1950 г. страна приняла около 43 тыс. беженцев, перемещенных лиц и лиц без гражданства из британской, французской и американской зон в Германии и Австрии³. Сложно оценить количество русскоязычных беженцев в общем числе перемещенных в Бразилию как из-за неэффективного ведения учета по прибытии, так и из-за нередкого отсутствия документов у самих беженцев. Часто национальность человека записывалась с его собственных слов за отсутствием какого-либо документального подтверждения, и многие намеренно не декларировали себя советскими гражданами из-за страха быть высланными обратно в СССР.

По официальным данным правительства штата Сан-Паулу, в период с 1941 по 1949 г., в штат въехало 889 русских, 1153 лица без гражданства, 3714 поляков и 1211 украинцев⁴. Так или иначе, согласно общей переписи населения 1950 г., во всей Бразилии проживали 42 535 поляков, 16 057 румын, 44 060 иностранных граждан из советских республик⁵.

Необходимо отметить, что правительство Бразилии принимало беженцев Второй мировой войны не из гуманистических принципов, а потому что желало таким образом восполнить нехватку квалифицированной рабочей силы в растущем индустриальном секторе и в механизированном сельском хозяйстве. Претенденты на переезд в Бразилию отбирались специально созданной для этой цели правительственной комиссией непосредственно в лагерях для перемещенных лиц в Европе. Критерии отбора включали национальную принадлежность, способность к труду и политические взгляды. Бразильское правительство, все еще под влиянием антикоммунистических и националистических настроений 1930-х гг., отдавало предпочтение квалифицированным индустриальным рабочим или фермерам, которые были потенциально готовы ассимилироваться в культурном мейнстриме страны и открыто декларировали свои антикоммунистические взгляды⁶.

1 Kulischer 1949, 172.

2 "Decreto-lei 7967, de 27 de agosto de 1945. Dispõe sobre a Imigração e Colonização, e dá outras providências. Diário Oficial da União, 06/10/1945," Jusbrasil, accessed December 2, 2020, <https://presrepublica.jusbrasil.com.br/legislacao/129420/decreto-lei-7967-45#art-2>.

3 Moreira 2013.

4 Revista de imigração e colonização, Vol. 12, No. 2 (1951), 225–226.

5 Учитывалось не гражданство, а национальное происхождение иммигранта, которое определялось по месту его рождения. То есть, иммигранты из Украины или из Литвы, например, учитывались в переписи как иностранцы из СССР. См.: "Censo demográfico, 1956," IBGE, accessed December 2, 2020, https://biblioteca.ibge.gov.br/visualizacao/periodicos/67/cd_1950_v1_br.pdf, P. 14.

6 Ruseishvili 2020.

В результате такого отбора русскоязычные беженцы после Второй мировой войны направлялись в основном в большие промышленные города, такие как Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро, Куритиба и Порту-Алегри.

Прием всех беженцев проходил по налаженной миграционной схеме: на военных кораблях их перевозили в порт Рио-де-Жанейро и там же помещали на карантин в Центре по приему иммигрантов на небольшом острове Илья-дас-Флорес (Ilha das Flores) в заливе Гуанабара¹. В этом центре всем оформлялись документы, и тут же, через бюро трудоустройства, взрослые члены семей заключали трудовые контракты и направлялись к месту работы. Те беженцы, которые были заранее распределены в промышленный штат Сан-Паулу, отправлялись на поезде в Иммиграционный дом в столице штата, где проходили стандартные процедуры по иммунизации, регистрации и трудоустройству.

К 1940-м гг. город Сан-Паулу уже был главным промышленным центром страны. Новые фабрики и заводы располагались преимущественно на окраинах города, вдоль железнодорожных линий, которые соединяли столицу с портом Сантос, а также с аграрной провинцией штата, откуда вывозилось на экспорт сельскохозяйственное сырье. Здесь и селились рабочие, среди которых были и новоприбывшие русские беженцы. Особенно нужно выделить районы на юго-востоке города, такие как Вила Пруденте (Vila Prudente), Вила Зелина (Vila Zelina), Вила Бела (Vila Bela), Вила Альпина (Vila Alpina) и др., в которых еще с 1920-х гг. селились выходцы из Российской империи. С прибытием послевоенных русских беженцев русский язык в этих районах стал главным языком для повседневного общения. Бразильский историк Николай Шевченко, сын русскоязычных перемещенных лиц из Украины, который вырос в одном из этих районов города, вспоминает, что общим языком для всех был русский, хотя там селились люди из разных стран Восточной Европы: «Если ты не говорил по-русски, то не мог купить даже хлеба. Поэтому в детстве я был уверен, что живу в России. Впервые я осознал, что это не так, когда пошел в школу и вернулся домой в слезах и сказал моей матери: почему ты отправила меня в иностранную школу? И в первый раз я услышал от кого-то: нет, школа не иностранная, иностранцы здесь – мы»².

Адаптация людей послевоенной волны иммиграции в Сан-Паулу проходила в совершенно других условиях по сравнению с приехавшими до войны. Во-первых, большинство сразу заключили трудовые договоры как квалифицированные индустриальные рабочие, работа которых к тому времени уже неплохо оплачивалась; имелись меры социальной защиты, созданные для рабочего населения при правительстве Жетулиу Варгаса. Во-вторых, в городе уже существовала сеть русскоязычных общественных организаций, церквей, торговли, медицинских услуг и т.д. Концентрированное расселение в городе выходцев из Восточной Европы также компенсировало разорванные вынужденной миграцией социальные и семейные связи.

В то же время чувствовался поколенческий разрыв с приехавшими до войны. Их миграционный опыт настолько отличался, что часто общение проходило только в рамках религиозных институтов. Объединяющими факторами служили политические взгляды или классовая принадлежность: антисоветские организации объединяли всех неприемлющих советский режим, вне зависимости от даты их отъезда из России, а рабочие организации часто объединяли по классовому признаку всех, вне зависимости от их национального происхождения.

1 "Memória da Imigração," Hospedaria de imigrantes da Ilha das Flores, accessed December 2, 2020, <https://www.hospedariailhadaflores.com.br/museu-da-imigracao>.

2 "Nicolau Sevchenko, desgarrado e genial," *Outras Palavras*, August 15, 2014, http://outraspalavras.net/outrasmidias/destaque-outras-midias/nicolau-sevchenko-desgarrado-e-genial/?utm_source=feedly&utm_reader=feedly&utm_medium=rss&utm_campaign=nicolau-sevchenko-desgarrado-e-genial.

III. Русские из Китая

Последняя большая волна русскоязычных мигрантов, приехавших в Бразилию в XX в., была представлена русскими из Китая. Как известно, еще с начала XX в. существовали большие русские сообщества в Харбине, Шанхае и Тяньцзине. После Революции 1949 г. положение русских в Китае стало крайне нестабильным. Как отмечают исследователи русской эмиграции в КНР, те, кто не выехал в начале 1950-х гг. в СССР «поднимать целину», подвергались дискриминации со стороны китайских властей¹. Одним из немногих выходов из этой ситуации были программы по переселению в другие страны, такие как Австралия, Аргентина, Израиль, Канада, США и Бразилия.

На протяжении 1950-х гг., благодаря усилиям дальневосточного представительства Международной организации по делам беженцев и сменившего ее в 1952 г. Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ), а также Межправительственного комитета по вопросам европейской миграции², русские могли получать проездные документы для лиц без гражданства и по ним запрашивать визу в одну из принимающих стран. Представительство УВКБ и бразильское консульство находились в Гонконге, откуда на пароходах русские беженцы переправлялись в города Сантос и Рио-де-Жанейро.

В бразильских источниках упоминаний о русских из Китая немного, но по ним мы все-таки можем делать некоторые выводы о количестве принятых страной мигрантов. В годовом отчете за 1950 г. Совета по иммиграции и колонизации, главного государственного органа Бразилии по регулированию миграционных потоков, упоминается группа лиц, около 5 500 человек, которые «оставили свои дома в связи с распространением китайского коммунизма» и находятся в лагерях на филиппинском острове Самар (Тубабao)³. Международная организация по делам беженцев просила бразильское правительство рассмотреть возможность принятия какой-то части этих людей. В отчете говорится:

«Это население имеет своим представительным органом Ассоциацию русских эмигрантов, которая представляет не только русских как таковых, но и людей других национальностей. С социально-экономической точки зрения эти беженцы представляют собой крестьян, рабочих и ремесленников различных специальностей»⁴.

В отчете говорится о том, что Совет благоприятно относится к переселению части этих беженцев в Бразилию и ожидает подписи президента страны, чтобы заключить с Международной организацией по делам беженцев окончательный договор. Однако из последующих отчетов не ясно, были ли действительно перевезены и в каком количестве эти русские беженцы с Филиппин.

В 1959 г. председатель Национального института иммиграции и колонизации Бразилии (бывший Совет по иммиграции и колонизации) заявил журналу *Correio da Manhã*, что на протяжении 1950-х гг. страна приняла 3 416 белых беженцев из Китая⁵. Вероятно, он имел в виду как группу с Филиппин, так и тех, кто приехал по визе в индивидуальном порядке.

В 2003–2008 гг. бразильские ученые провели обширное исследование 18 396 индивидуальных досье послевоенных мигрантов, обязательных для регистрации в

1 Moustafine 2010, 153.

2 Intergovernmental Committee for European Migration (ICEM).

3 Эта группа русских беженцев была эвакуирована из Шанхая в начале 1949 г. при финансовой помощи Международной организации по делам беженцев по просьбе Ассоциации русских эмигрантов. См.: Таболина 2016, 6–7.

4 Relatório Geral do Conselho de Imigração e Colonização, 1950. Centro de Pesquisa e Documentação de História Contemporânea do Brasil (CPDOC).

5 *Correio da Manhã*, n. 20306, 9 de junho de 1959, p. 2.

Иммиграционном доме в Сан-Паулу¹. Среди них удалось выделить 1 842 досье мигрантов русского происхождения, которые прошли через центр по приему иммигрантов в период с 1947 по 1961 г.² Среди них приехавших из Китая преимущественно в 1957 и 1958 гг. – около 300 человек³. Благодаря этим данным мы можем восстановить некоторые характеристики этой миграционной волны.

Производя демографические сравнения русских из Китая с русскими ДиПи, интересно отметить, что среди первых было больше «неполных» семей с женщинами во главе (18% против 8% из ДиПи), а также большое количество детей и молодежи (44%). Это можно объяснить тем, что первые ехали в Бразилию по визе, а вторые отбирались специальным комитетом в лагерях для перемещенных лиц. Как уже было сказано, бразильское правительство отдавало предпочтение полным семьям, либо мужчинам в работоспособном возрасте. Визу удавалось получить не проходя отбора и это давало возможность приехать в Бразилию разведенным или овдовевшим женщинам, с детьми или без, что было для ДиПи практически невозможно.

Что касается паттернов расселения в городе, то они зависели от профессиональных характеристик и мест трудоустройства. В отличие от послевоенной волны, русские из Китая не направлялись на заводы, а значит и не селились в индустриальных районах города. Многие находили работу в сфере услуг или торговле и поэтому могли себе позволить жить в тех районах, которые располагались недалеко от центра города, но в которых цены на жилье еще не были слишком высоки. Многие семьи старались селиться вблизи своих соотечественников – таким образом в Сан-Паулу возникли новые русские очаги: в районах Моэма, Индианополис и Ипиранга.

С 1950-х гг. возникают новые православные приходы в Сан-Паулу: приход в пригороде Карапикуиба (Серафима Саровского, конец 1948-49 гг.); два прихода в Моэма и Индианополисе (1952 г.); приход в районе Педрейра (Покровская церковь, 1952 г.); приход в районе Вила Зелина (Покровская церковь, 1962 г.), а также Благовещенский приход в районе Ипиранга (в 1950-е гг. был отдан иезуитам, работающим с русскими беженцами).

Следует отметить, что большую роль в адаптации русских, приехавших в 1940-1950-е гг. сыграли иезуиты. В 1954 г. ими был создан Институт Святого Владимира, интернат для мальчиков из русскоязычных семей, а в 1958 г. – Институт Святой Ольги, для девочек. В интернате дети обучались русскому языку и традициям и параллельно ходили в местную бразильскую школу. Для семей, приехавших из Китая, не существовало налаженной местными властями схемы размещения. Также не было русских организаций по взаимопомощи, т.к. существовавшая в 1930-е гг. русскоязычная жизнь в городе была подавлена националистическими законами правительства Жетулиу Варгаса. В этом контексте институты для русских семей, созданные иезуитами, были единственными учебными заведениями в городе, которые помогали детям работающих родителей сохранять русский язык и культуру⁴.

1 Bastos and Salles 2014 ; Paiva 2007; Salles 2004; Salles et al. 2013.

2 Были учтены те, которые числятся как «русские», а также те, которые имели статус «лица без гражданства». Более подробно с методологией исследования можно ознакомиться: Ruseishvili 2018.

3 Важно отметить, что это не все русские из Китая, а только те, которые прошли через центр по приему иммигрантов в Сан-Паулу. В этот период не все иммигранты были обязаны регистрироваться в центре, а только те, которым требовалась помощь в трудоустройстве и поиске места жительства.

4 С 1954 по 1958 г. Институт Святого Владимира помещался в католическом приходе в городе Иту, с 1958 г. – в монастыре Святого Бенедикта в городе Сантос. В 1968 г. интернат был переведен в Сан-Паулу, где просуществовал до начала 1980-х гг. Институт Святой Ольги был создан в 1958 г. в городе Резенди, в штате Рио-де-Жанейро, и вскоре был переведен в город Сан-Паулу, в район Ипиранга. См.: Silva 2015; Vorobieff 2006.

В 2021 г. исполняется 100 лет с момента прибытия в Сан-Паулу первых русских белоэмигрантов. За этот период русское сообщество в штате и в его столице пережило расцвет и упадок. Как упоминалось выше, русская жизнь в городе осложнялась классовыми, поколенческими, политическими и идеологическими различиями русскоязычных иммигрантов. В то же время, приходилось постоянно доказывать бразильским властям, настроенным антикоммунистически, что быть русским не означает приверженность советской идеологии. Даже монархические и националистические организации были под постоянным надзором политической полиции, которая проявляла недоверие к любым собраниям иностранных граждан. В период Нового Государства (1937–1945) любое проявление иностранной общественной жизни было запрещено, что нанесло огромный удар по русскоязычному сообществу в городе. Период после Второй мировой войны и до военного переворота в 1964 г. был периодом оттепели, но русскоязычная общественная жизнь уже не вернулась на уровень начала 1930-х гг.¹ После 1964 г., при военной диктатуре и в контексте холодной войны, все русское снова стало рассматриваться властями как синоним советского, поэтому иностранцы, опасаясь репрессий, ограничивали любые проявления общественной жизни семейным либо церковно-приходским кругом.

В последние годы возрастает интерес бразильцев к русской истории и русской культуре. Этому способствовало столетие Октябрьской революции 1917 г., которое широко отмечалось во всем мире. Помимо этого Сан-Паулу стал активно позиционировать себя как город-космополит, чье экономическое и культурное развитие неотъемлемо связано с иностранными мигрантами в прошлом и настоящем. В этом плане заметно, что, помимо уже ставших традиционными итальянской, португальской и арабской культур, жители города стали интересоваться историей русскоязычной и славянской иммиграции в Сан-Паулу. Все большим успехом пользуются тематические восточно-европейские ярмарки и русская кухня. Все больше жителей города и туристов интересуются русскими православными приходами и особенностями традиций православного христианства.

В заключение остается выразить надежду, что этот интерес из повседневной жизни перейдет в научную сферу и русскоязычная миграция в Сан-Паулу и в Бразилии в целом займет свое место в исторических и социологических исследованиях миграционных процессов в этой стране.

→ Список литературы / References

Колупаев, Р. Жизнь русской общины в Бразилии в освещении газеты «Друзьям и знакомым» // *Латинская Америка*. – 2011. – №3. – С. 89–97. [Kolupaev, R. "Zhizn' russkoi' obshchiny v Brazili v osveshchenii gazety "Druz'iam i znakomym" [The life of the Russian community in Brazil through "Druz'iam i znakomym" review]. *Latin America* 3 (2011): 89–97.] [In Russian]

Мосейкина, М.Н. Отец Феодосий – архиепископ Сан-Паульский и Всей Бразилии // *Латинская Америка*. – 2000. – №7. – С. 69–74. [Moseikina, M.N. "Otets Feodosiy – arkhiepiskop San-Paulskii e vsei Brazili" [Father Feodosiy – archbishop of São Paulo and of all Brazil]. *Latin America* 7 (2000): P. 69–74]. [In Russian]

1 В этот период издавался известный монархический журнал «Владимирский вестник», единственное русскоязычное периодическое издание в Сан-Паулу после Второй мировой войны. С приездом послевоенных беженцев монархические и антисоветские настроения в русской колонии вспыхнули с новой силой. Это был один из немногих факторов, которые сближали два разных поколения эмигрантов.

- Мосейкина, М.Н. Русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–30 годы // *Российская история*. – 2010. – №3. – С. 98–115. [Moseikina, M.N. "Russkaia emigratsia v stranakh Latinskoi Ameriki v 1920–1930 godi" [Russian emigration in the Latin American countries in the 1920–1930s]. *Russian History* 3 (2010): 98–115.] [In Russian]
- Мосейкина, М.Н. Русские в странах Латинской Америки в 20–30-е гг. XX в.: повседневность колонизации // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России»*. – 2003. – № 2. – С. 153–166. [Moseikina, M.N. "Russkie v stranakh Latinskoi Ameriki v 20–30 godi XX veka, povsednevnost kolonizatsii" [Russians in the Latin American countries in the 20–30s of the 20th century: everyday life of colonization]. *Herald of the People's Friendship University of Russia. History of Russia Series 2* (2003): 153–166.] [In Russian]
- Нечаев, С.Ю. Русские в Латинской Америке. – М.: Вече, 2010. – 320 с. [Nechaev, S.Y. *Russkie v Latinskoi Amerike* [Russians in the Latin America]. Moscow: Vechte, 2010.] [In Russian]
- Таболлина, Т.В. *Русский дом на Тубабэо*. – М.: Дарь, 2016. – 192 с. [Tabolina, T.V. *Russkii dom na Tubabao* [Russian Home at Tubabao]. Moscow: Dar, 2016.] [In Russian]
- Хисамутдинов, А.А. Наши соотечественники за рубежом // *Латинская Америка*. – 2005. – №9. <http://www.ilaran.ru/?n=122>. [Hisamutdinov, A.A. "Nashi sootchestvenniki zarubejom" [Our compatriots abroad]. *Latin America* 9 (2005).] [In Russian]
- Baeninger, Rosana, and Maria Sílvia C. Beozzo Bassanezi. "Trajetória Demográfica no Estado de São Paulo, na capital e em outros municípios" [Demographic trajectory in the State of São Paulo, in the capital and in other municipalities]. In *Trabalho apresentado no XV Encontro Nacional de Estudos Populacionais* [Works Presented at 15th National Meeting of Popular Studies], 1–12. São Paulo: ABEP, 2006. [In Portuguese]
- Bastos, Sênia, and Maria do Rosário Rolfsen Salles "A imigração polonesa para São Paulo no pós-Segunda Guerra Mundial no quadro das entradas dos "deslocados de guerra": 1947–1951" [Polish immigration to São Paulo in the post-World War II period in the context of the "war displaced persons": 1947–1951]. *Revista Brasileira de Estudos de População* 31, no. 1 (2014): 151–167. <http://dx.doi.org/10.1590/S0102-30982014000100009>. [In Portuguese]
- Blay, Eva. *Eu não tenho onde morar: vilas operárias na cidade de São Paulo* [I have nowhere to live: worker villages in the city of São Paulo]. São Paulo: Nobel, 1985. [In Portuguese]
- Bytsenko, Anastassia. "Imigração da Rússia para o Brasil no início do século XX. Visões do paraíso e do inferno" [Immigration from Russia to Brazil in the early 20th century. Visions of paradise and hell]. Dissertação de mestrado, Universidade de São Paulo, 2006. [In Portuguese]
- Cocicov, Jorge. *Castigo e morte. Búlgaros e gagaúzos bessarabianos na Ilha Anchieta, Ubatuba-SP, Brasil* [Punishment and death. Bulgarians and bessarabian gagaúzos on Anchieta Island, Ubatuba-SP, Brazil]. II ed. Ubatuba, 2017. [In Portuguese]
- Cocicov, Jorge. *Imigração búlgaros e gagaúzos bessarabianos "romenos": Brasil, Uruguai* [Bulgarian immigrants and "Romanian" Bessarabian gagauz: Brazil, Uruguay]. Ribeirão Preto: Legis Summa, 2007. [In Portuguese]
- Cocicov, Jorge. *Imigração no Brasil: búlgaros e gagaúzos bessarabianos* [Immigration in Brazil: Bulgarians and Bessarabian Gagauz]. Ribeirão Preto: Legis Summa, 2005. [In Portuguese]
- Cocicov, Jorge. *Imigrantes bessarabianos: búlgaros e gagaúzos ("romenos"), Bessarábia (Moldávia): Brasil, Uruguai (1926–2015)* [Bessarabian immigrants: Bulgarians and Gagauz ("Romanians"), Bessarabia (Moldova): Brazil, Uruguay (1926–2015)]. Ubatuba: Ed. do Autor, 2015. [In Portuguese]
- Fausto, Boris. *Imigração e política em São Paulo* [Immigration and politics in São Paulo]. São Paulo: Editora Sumaré / FAPESP, 1995. [In Portuguese]
- Kévonian, Dzovinar. "Enjeux de catégorisations et migrations internationales. Le Bureau International du Travail et les réfugiés (1925–1929)" [Issues of categorizations and international migrations. The International Labor Office and refugees (1925–1929)]. *Revue Européenne des migrations internationales* 21, no. 3 (2005): 95–124. <https://doi.org/10.4000/remi.2522>. [In French]
- Kulischer, Eugene. "Displaced persons in the Modern World." *Annales of the American Academy of Political and Social Science* 262 (1949): 166–177. <http://www.jstor.org/stable/1026986>.
- Lozovanu, Dorin, and Victor Hugo S. Souza, "Balisa, a colony of Bessarabians in Brazil. The immigrants who followed the coffee route and the railways." *Acta et Coomentationes. Exact and Natural Sciences* 7, no. 1 (2019): 98–106. <https://doi.org/10.36120/2587-3644.v11i98-106>.
- Moreira, J.B. "Recepção de refugiados europeus no Brasil do pós-guerra" [Reception of European refugees in post-war Brazil]. In *37º Encontro Anual da ANPOCS. Águas de Lindóia: Anpocs*, 2013. [In Portuguese]

- Moustafine, Mara. "Russians from China: Migrations and Identity." *International Journal of Diversity in Organizations, Communities and Nations* 9, no. 6 (2010): 143-158. <http://dx.doi.org/10.5130/ccs.v5i2.3337>.
- Paiva, Odair da Cruz. "Migrações para São Paulo pós-Segunda Guerra Mundial. Desafios de normatização da diversidade" [Migrations to São Paulo after World War II. Challenges of standardizing diversity]. In *XXIV Simpósio Nacional De História*. São Leopoldo: ANPUH, 2007. [In Portuguese]
- Ruseishvili, Svetlana. "Fronteira desterritorializada, inclusão diferencial e Estado-nação: a comissão brasileira de seleção de refugiados da Segunda Guerra Mundial" [Deterritorialized border, differential inclusion and the nation-state: Brazilian World War II Refugee Selection Commission]. *REMHU – Journal Revista Interdisciplinar da Mobilidade Humana* 28, no. 60 (2020). <https://doi.org/10.1590/1980-85852503880006008>. [In Portuguese]
- Ruseishvili, Svetlana. "Perfil sociodemográfico e distribuição territorial dos russos em São Paulo: deslocados de guerra da Europa e refugiados da China após a Segunda Guerra Mundial" [Socio-demographic profile and territorial distribution of the Russians in São Paulo: displaced persons from Europe and refugees from China after the Second World War]. *Revista Brasileira de Estudos Populacionais* 35, no. 3 (2018): 1-20. <https://dx.doi.org/10.20947/s0102-3098a0036>. [In Portuguese]
- Ruseishvili, Svetlana. "Ser russo em São Paulo: os imigrantes russos e a (re)formulação de identidade após a Revolução bolchevique de 1917" [Being Russian in São Paulo: Russian immigrants and the (re) formulation of identity after the Bolshevik Revolution of 1917]. Tese de Doutorado, Universidade de São Paulo, 2016. [In Portuguese]
- Salles, Maria do Rosário Rolfsen. "Imigração, família e redes sociais: a experiência de "deslocados de guerra", em São Paulo, no pós-Segunda Guerra Mundial" [Immigration, family and social networks: the experience of "war displaced persons", in São Paulo, after the Second World War]. In *Anais do XIV Encontro Nacional de Estudos Populacionais*. Caxambu: ABEP, 2004. [In Portuguese]
- Salles, Maria do Rosário Rolfsen et al. eds. *Imigrantes internacionais no pós-Segunda Guerra Mundial* [International immigrants after the Second World War]. Campinas: Nepo/Unicamp, 2013. [In Portuguese]
- Silva, B.H. "O instituto São Vladimir e a presença russa em Santos, pela voz dos imigrantes (1958-1968)" [The São Vladimir Institute and the Russian presence in Santos, through the voice of immigrants (1958-1968)]. Trabalho de Conclusão de Curso apresentado à Universidade Católica de Santos como exigência parcial para a obtenção do grau de Licenciatura em História, 2015. [In Portuguese]
- Suveica, Svetlana. *Basarabia în primul deceniu interbelic (1918-1928): modernizare prin reforme* [Bessarabia in the first interwar decade (1918-1928): modernization through reforms]. Chisinau: Pontos, 2010. [In Romanian]
- Vorobieff, Alexandre. "Identidade e memória da comunidade russa na cidade de São Paulo" [Identity and memory of the Russian community in the city of São Paulo]. Dissertação de Mestrado, Universidade de São Paulo, 2006. [In Portuguese]
- Zabolotsky, Jacinto. *A imigração russa no Rio Grande do Sul: os longos caminhos da esperança* [Russian immigration in Rio Grande do Sul: the long paths of hope]. Porto Alegre: Martins Livreiro, 2007. [In Portuguese]
- Zen, Erick Reis Godliauskas. *Imigração e Revolução: Lituanos, Poloneses e Russos sob Vigilância do Deops* [Immigration and Revolution: Lithuanians, Poles and Russians under Deops surveillance]. São Paulo: Editora da Universidade de São Paulo, FAPESP, 2010. [In Portuguese]
- Zhebit, Alexander, ed. *Brasil-Rússia: história, política e cultura* [Brazil-Russia: history, politics and culture]. Rio de Janeiro: Gramma, 2009. [In Portuguese]

Russian immigration to Brazil in the first half of the 20th century: migration routes and adaptation patterns

S.A. Ruseishvili

→ Abstract

In the article under consideration, the author examines three main waves of the Russian-speaking immigration to Brazil and, particularly, to the State of São Paulo and its capital of the same name, during the first half of the 20th century. The first wave refers to the period from 1921 to the late 1930s. We consider the arrival of general Wrangel's soldiers and officers, in 1921; the resettlement of Russian-speaking farmers from Romanian Bessarabia in 1923-1930s; and the 'secondary' migration of Nansen refugees from Europe during the 1930s. The second wave represents the post-war subsidized migration of Russian displaced persons (DPs), and the third one is the resettlement of the Russians from China during the 1950s. The author relies on a vast number of authentic sources from public and private archives, such as Russian-language periodicals in Brazil, Brazilian regulatory acts, and interviews with the descendants of Russian emigrants. Delivering a comparative analysis of the aforementioned waves the author concludes that the patterns of the Russian speakers' adaptation in Brazil need to be considered in the light of political and economic conditions in the country in a particular period of immigrants' arrival. It is also noted that anti-Soviet sentiments in Brazilian politics, starting from the mid-1930s, had a negative impact on preservation of the Russian language and Russian culture in the country.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-54-73>

Research article

Svetlana A. Ruseishvili, PhD, Coordinator, Cátedra Sérgio Vieira de Mello (UNHCR/UFScar); Adjunct Professor, Sociological Department, Federal University of São Carlos (Brazil)

E-mail: svetlana@ufscar.br

For correspondence: CEP 13565-905, Brazil, São Carlos, SP-310, Rod. Washington Luís, km 235

For citation: Ruseishvili S.A. Russian immigration to Brazil in the first half of the 20th century: migration routes and adaptation patterns. *Cuadernos Iberoamericanos* 8, no. 3 (2020): 54-73. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-54-73>.

Received: 15.12.2020

Accepted: 14.01.2021

→ Keywords

Russian emigration, displaced persons, Russians from China, São Paulo, Brazil

Acknowledgements: The author expresses her profound gratitude to Inna V. Ruseishvili-Garbelotto for her attention and detailed comments on the article concerned.

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.